

Коллегия
поэтов
и
прозаиков

Избранное

Том 2

2019

Мария Бутырская

Избранное. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42006343

ISBN 9785449648174

Аннотация

Данный сборник уникален тем, что авторы, в силу своих возможностей и безграничного таланта, на добровольной основе поддерживают подопечных благотворительного фонда «Подари жизнь», желают детям полного выздоровления и скорейшего возвращения домой!

Содержание

Дорогие друзья!	6
НИКТО НЕ ЗАСТРАХОВАН ОТ ИЗМЕНЫ	9
Я ТЕБЯ НИКОМУ, НИКОМУ НЕ ОТДАМ...	10
ПРИКОСНУСЬ К ТВОЕЙ УЛЫБКЕ...	12
ЛЮБОВЬ В СОЗВЕЗДИИ ЗЕРКАЛ	13
Я УЗНАЮ ТЕБЯ...	15
ГОЛОСА...	17
ПОЛНОЛУНИЕ	19
ПУТИ...	21
Я ПОМНЮ О ТЕБЕ...	23
ПРОБУЖДЕНИЕ	25
ЭК ТЕБЯ, ПРИЯТЕЛЬ, ЗАНЕСЛО	27
ЖИЗНЬ	28
СТУЧИТСЯ ФЕВРАЛЬ	30
ЖУРАВЛИ	31
НА СЕБЯ	32
НЕСЛУЧАЙНЫЙ ДИАЛОГ	33
ДОМИК У МОРЯ	35
ЯРКИЙ СВЕТ	36
ТЁЩА	37
СЧАСТЬЕ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ	39
НЕМНОГО ПРО МИНОГУ	46
МЫ ИЩЕМ СЧАСТЬЕ ВДАЛЕКЕ...	53

ТАЙГА	54
ВЕСНА	56
МЫ-ЛИШЬ ПОЭТЫ ПОД ЛУНОЙ...	58
СУХОВЕЙ	59
ЗАПАХЛО ВЕСНОЙ	60
ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ	62
НАУЧУСЬ ЛЕТАТЬ	64
АНГЕЛЫ	65
ПОДАРОК	66
В ПЕСОЧНИЦЕ	74
ЧАШКА	79
ЧУДО	83
РАССТАВАНИЕ	84
СЕГОДНЯШНИЙ РАССВЕТ	85
Я ПОМНЮ ВСЁ...	86
БЕСКРАЙНИЕ ПОЛЯ	87
А ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НЕНУЖНОСТЬ?	89
ДИАЛОГ ПОЭТОВ: ВРЕМЕНА ГОДА	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Избранное

Том 2

Редактор Мария Бутырская

Иллюстратор Леонард Крылов

© Леонард Крылов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-4817-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-3923-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие друзья!

Коллегия поэтов и прозаиков в социальных сетях представляет авторов – современников России и Ближнего Зарубежья. В книге собраны работы по итогам конкурса «Лучшее произведение недели» в авторской редакции.

В состав жюри вошли: организатор и автор проекта, поэтесса, лауреат и финалист городских и международных конкурсов, член Российского Союза писателей Светлана Кунакулова, независимый эксперт, журналист, поэт Александр Богданович; общественный деятель, поэтесса, главный редактор альманаха «Всяк», выпускающий редактор «Всяк Театр Радио+ТВ», член Российского Союза Профессиональных литераторов Мария Ярославская.

Лучшими в февральском выпуске признаны произведения авторов в следующих номинациях:

Поэзия

Елена Тетюева, Наталия Варская, Иван Дьяконов, Артём Стойко, Андрей Фесенко, Светлана Ночевная, Владимир Филатов, Владимир Мельников, А. Морозов, Евгения Бурлюкина, Эдуард Венц, Наталья Емельянова, Светлана Сапронова, Дмитрий Богданов, Ира Черницкая, Светлана Немиро-

ва, Елена Смолицкая, Amina Malinovskaia, Александр Соловей.

Проза

Марат Валеев, Элен Кардински, Лариса Агафонова, Наталия Варская, Татьяна Чернышева, Татьяна Викторова, Татьяна Тысячная.

Мы всегда рады приветствовать вас на нашей творческой площадке. Если Вы – начинающий поэт или прозаик, то Вам сюда... Поддержим! Если Вы – профессиональный литератор, то Вам сюда... Поделитесь своим опытом... Прислушаемся! Если Вы – гость и любите творчество во всех его начинаниях, то Вам сюда... Не разочаруем! А если Вы рисуете или фотографируете, то Вам, несомненно, сюда... Предоставьте возможность и нам восхищаться Вашим талантом! Пишите! Дерзайте! Творите!

<https://vk.com/club161136809>

Данный сборник уникален тем, что авторы, в силу своих возможностей и безграничного таланта на добровольной основе поддерживают подопечных благотворительного фонда «Подари жизнь», желают деткам полного выздоровления и скорейшего возвращения домой!

Коллегия
поэтов
и
прозаиков

Современная книжная поэзия

Э.А. Крылов

НИКТО НЕ ЗАСТРАХОВАН ОТ ИЗМЕНЫ

Никто не застрахован от измены,
Предательства и прочей мерзкой грязи.
(Грядущее вменяет перемены)
Не стоит лезть «оттуда» сразу в «князи».

К чему пишу? Да, надоело это —
Доверие ни к чёрту, сон потерян.
Совсем другое – слыть земным поэтом,
Пытаясь из песка воздвигнуть терем.

Крыло недолго заменить на лопасть.
Сегодня на коне ты, победитель...
Любая яма – это та же пропасть.
Неверный шаг и то – твоя обитель!

Эффектом бумеранга всё вернуться
Имеет место, не из той орбиты.
А завтра может друг не обернуться —
На те же грабли. Справедливо. Квиты.

Светлана Кунакулова

Я ТЕБЯ НИКОМУ, НИКОМУ НЕ ОТДАМ...

Я тебя никому, никому не отдам,
Пусть забудут твой адрес и имя.
Ты – по жилам, по венам,
как по проводам,
Из огня – я, да в то же полымя.
Никому не отдам, никому, никому,
Пусть обходят твой рай стороною.
Если верить,
то только тебе, одному,
Если в омут, то вместе, со мною.
Ни друзьям не отдам я тебя,
ни врагам —
Жало в сердце пустило отростки.
Я твоим поклоняюсь
великим Богам,
На моём ты стоишь перекрёстке
Я тебя ни себе, ни тебе не отдам...
Расстояние – то неизбежность.
Ты – оружие,
я – твой надёжный плацдарм,
Ты – любовь,
я – твоя страсть и нежность!

Светлана Кунакулова

ПРИКОСНУСЬ К ТВОЕЙ УЛЫБКЕ...

Прикоснусь к твоей улыбке
взглядом, проведу рукой
неслышно. Больше ничего
не надо – только быть с тобою
рядом и не быть случайной,
лишней.

Прикоснусь к глазам губами
дважды, обниму так крепко —
крепко. И когда –нибудь,
однажды, чтоб из нас запомнил
каждый вкус разлуки горько —
терпкий.

Прикоснусь к тебе словами
нежно, чтобы в них увидел
вечность ты, смахнул
небрежно грусть и понял – это
неизбежно, мчит нас лето
в бесконечность...
в бесконечность...

ЛЮБОВЬ В СОЗВЕЗДИИ ЗЕРКАЛ

Витает в воздухе
отвергнутая грусть
И ночь
безмолвно опустила плечи.
Я ветер обниму
и налегке пройду
По жизни,
вспоминая наши встречи.
Отчасти тенью стал
знакомый силуэт
В окне,
распахнутом когда – то настезь.
Забыты строки песни,
недопет куплет
О маленьком несбыточном,
но счастье.
Судьба ударила жестоко...
и в тот час
(От этой мысли
вновь мороз по коже)
На щепки – пьедестал,
все стрелы – в нас,
На эшафоте – тот,

кто всех дороже.
Сжимает сердце болью,
сон – в тисках
И пломба сорвана
незримой властью,
Стучит с тоской по клавишам
в висках
Любовь
в созвездии зеркал и страсти!
А мне бы хоть одним глазком...
дышать
С тобою в такт,
пусть время рулит нами,
Тобою жить —
любить, творить и умирать...
Но обреченно
пожимает ночь плечами.

Светлана Кунакулова

Я УЗНАЮ ТЕБЯ...

Я узнаю тебя среди тысячи лиц,
Второпях —
мимолетной улыбке.

Среди тысяч турниров —
непройденный блиц,
Среди тысяч путей —
самый зыбкий.

Я узнаю твой голос
из тысячи фраз
По тональности, нотам, акценту.

Я узнаю твои —
среди тысячи глаз,
Что возможно из сотни —
проценту.

Я узнаю тебя среди тысячи снов
По приметам,
просчитанным датам.

Среди тысячи
мног недосказанных слов,
Тишиной
прокричавших когда — то.

Я узнаю тебя
в грустных каплях дождя,
Стоном ветра в ночи вспоминаю

Возвращаясь всегда —
навсегда уходя,
Я узнаю тебя! Я узнаю...

Светлана Кунакулова

ГОЛОСА...

Моя седьмая жизнь
Расписана по нотам,
Исполнена дождём
Холодным за окном.
Она меня влечёт
Над осенью полётом,
Признанием в любви
И полуночным сном.

Она меня зовёт
Находками в потерях,
Молчаньем среди звёзд,
Шумящих в вышине.
Я знаю её шаг
И бесконечно верю
Советам, что даёт
В осенней кутерьме.

Моя седьмая жизнь
Не знает остановок —
Ведь нужно всё успеть
И важно всё понять.
Не ждать от бытия
Опять головоломок,

А вопреки всему
Надежду рисовать.

Не ждать осенним днём
Унылых откровений
От поседевших в миг
Ноябрьских лесов...
Моя седьмая жизнь
Не ведает сомнений,
Лишь по ночам всё ждёт
Забывших голосов...

Александр Богданович

ПОЛНОЛУНИЕ

Сегодня – полная луна,
Ну, чем не символ отречений
От мыслей, что познал сполна
Среди надуманных видений?

Давай, завоем на луну —
Ты заведёшь, а я продолжу...
Судьба затеяла войну,
А отвечать ей кто-то должен?

Чернеют тени на снегу,
Хвостами прошлое сметая,
Я подставляю им щеку,
Но ведь они того не знают!

Мне часто снился этот сон —
Луна и призрачная свора,
Пока среди пустых времён
Вдруг не услышал лязг затвора.

Ударил выстрел в тишине,
Звонящий нотой приговора
В угоду ночи и луне,
Что светит яблоком раздора...

Александр Богданович

ПУТИ...

О прошлое не вытирают ноги —
Хоть у порога постели.
К нему всегда ведут дороги
Любого нового пути.

Не отрицай в слепых проклятьях
За горизонт ушедший след,
Пусть у иных ветров в объятьях
Твой лик надеждами воспет.

Не предавайся заблужденьям,
Что начал с чистого листа,
Пути – всего лишь отраженье
На поле старого холста.

Не убеждай себя ночами,
Что тени пришлые – светлей,
Они беспечней между снами,
Но станут ли душе родней?..

Уроки читаны напрасно,
Коль ноги вытер и ушёл,
Не обернувшись, безучастно,
Сложив мечты в чужой подол...

Александр Богданович

Я ПОМНЮ О ТЕБЕ...

Я помню о тебе
Сквозь злые ночи,
Через прогнозы
Мысленных потерь,
И пусть снегами
Сердце кровоточит,
И бьётся на душе
Метели зверь.

Я помню каждый звук
Ночной капли,
Что неожиданно
Пробилась сквозь мороз
Напором отрезвляющей
Шрапнели —
Вдруг по редутам
Замерших берёз.

Я помню о тебе,
Не сомневайся —
И этот сон,
И бой с седой зимой,
Ты только за свою
Капель сражайся,

А я уж подпою
Тебе судьбой.

Я помню эти дни
И эти ночи,
Наполненные словом
О тебе,
И пусть ветра
Ещё порой пророчат —
Мне места нет
В февральской ворожбе...

Александр Богданович

ПРОБУЖДЕНИЕ

Наивность этот мир погубит
В пылу нечаянных страстей,
Когда судьба бокал пригубит,
Подумав, будто он – ничей.

По мыслям ядом разольётся
Бродивший в сумерках обман...
И вот уже судьба смеётся —
Хмельная от душевных ран.

Я тоже пил дурман ночами —
И сердце билось невпопад,
Рифмуя явь с пустыми снами,
Которым был наивно рад.

Наивно дурь лечил снегами,
Сонатой летнего дождя,
Метался зря меж берегами,
Причала в них не находя.

...Но утром было пробужденье —
Кружилась осень за окном,
Она без страха и сомнений
Наивность выгнала пинком...

Александр Богданович

ЭК ТЕБЯ, ПРИЯТЕЛЬ, ЗАНЕСЛО

Эк тебя, приятель, занесло!
Что забыл ты в этом буйном море?
Маленькая лодка и весло,
Очень ненадёжное подспорье.

Видимо, спасаясь с корабля,
Оказался ты в солёной пене.
Жаль мне оставлять, моряк, тебя
В столь зловещей, бурной мизансцене.

Но не я водила по холсту
Синей и зелёной акварелью.
Я тебя когда-нибудь спасу,
Дорисую берег. Я сумею!

Наталия Варская

ЖИЗНЬ

Незамкнутая в вечности. Живая.
Бесценный дар, без слов витиеватых.
Я – каждый, кто морозным днём в трамвае
На окнах видит пальмовые вайи
И облака на дворничьих лопатах.

Я – светлый сплав из детских впечатлений.
Хотите ли, любое уступлю вам?
Внимайте чуду: первый лист весенний,
Спелёнут по-младенчески – мой гений,
Пробился через почку тонким клювом.

Одна из гроз, для вас прольюсь мотивом
Весёлого, щебечущего лета.
Одна из птиц, вскричу над голой нивой.
Холодной каплей упаду в дождливом
И затяжном осеннем менюэте.

Я – только часть, но целым наделила
Всё сущее, надёжное, простое:
Лишайник на сосновом сухостое,
Жучка под отошедшей берестою.
Я – искра Божья, жизненная сила.

Елена Тетюева

СТУЧИТСЯ ФЕВРАЛЬ

Стучится февраль в нашу комнату,
Окно отвори, не робей.
Пусть нити небесного золота
Скользнут по изгибу бровей.

Пусть ветер ворвется стремительно,
Растреплет волос твоих прядь.
Ты в раме окна восхитительна,
Тебя я хочу рисовать!

Февраль подарил настроение.
Добавил в палитру цвета.
Внутри зеленеет растение,
По жилам течет теплота.

Иван Дьяконов

ЖУРАВЛИ

Меня так манит горизонт,
Что он скрывает там, вдали?
Вы расскажите мне о том,
Где вы бывали, журавли?

Там тоже горы и леса?
Иль города где жизнь кипит?
А может быть там райский сад?
Скажите, что там журавли?

Хочу как вы, поднявшись ввысь,
Увидеть всю красу земли,
И провести свободным жизнь...
Меня возьмите, журавли?

Но растворились в облаках,
Дождаться видно, не смогли.
И я лечу в своих мечтах,
На встречу с вами, журавли...

Артём Стойко

НА СЕБЯ

На своё отраженье в воде
Я гляжу, оглянуться не смея,
Ведь оно-то премного честнее,
Чем, пожалуй, бы ни было где.

Я себя в зеркалах повидал.
И в простых, и в окладах приличных.
Отражение в них – прозаично.
Что большой, согласитесь, скандал.

Прутик ивы в руке у меня.-
Отраженье своё искажаю.
И надеюсь, и воображаю,
Что не буду похожим ни дня!

Всё-то рябь по воде развожу
По весёлой ребячьей привычке.
Потому и гляжу я в водичку
На себя. Будто в воду гляжу.

Андрей Фесенко

НЕСЛУЧАЙНЫЙ ДИАЛОГ

Она

Кафе. Окраина. Уж полночь на часах.
Кофейный пар рисует силуэты.
Застыло время между прошлым и сейчас
Звенящим от молчания моментом.

Он

Приметил я тебя в огнях витрин.
Кофейный пар скрывает лик прекрасный.
Искал тебя среди городских картин
И, видимо, искал я не напрасно.

Она

Я начинаю новый день одна,
Пусть за спиной мосты горят стеною.
Не надо, не просите интервью.
Причин поджога я вам не открою.

Он

Чудесен образ из забытых мною фраз
И лунный блик в волне волос играет,

А глубина твоих едва щадящих глаз
Немой ответ на мой вопрос скрывает.

Она

Дайте огня скорей, чтоб прикурить,
Укутать сигаретным дымом плечи.
В протянутую руку, как пятак,
На выживание дан мне этот вечер.

Он

Прости, не захватил с собой огня.
В груди моей сейчас огонь пылает.
Ты в бирюзовом смотришь на меня
И чувства гулким эхом нарастают.

Сожгу листы истерзанных потерь,
Пусть в пламени сгорают за спиной.
Давай рискнём? Откроем чувству дверь?
И между нами пробежит оно искрой.

Светлана Никифорова

Владимир Филатов

ДОМИК У МОРЯ

Быть может, на пенсию выйду я вскоре.
И есть у меня, я признаюсь, мечта
О маленьком домике с видом на море,
Я жить переехал тогда бы туда.

Собаку завёл бы, мне верного друга.
Большую, лохматую, с пышным хвостом.
Ходили бы с ней мы вдвоём по округе,
Лишь к вечеру вновь возвращаясь в свой дом.

И кошек, конечно, штук шесть или восемь,
Я дома держал бы пушистых мурлык.
А может быть, десять завёл даже вовсе,
Ведь я нахожу с ними общий язык.

А в доме камин бы горел неизменно,
Люблю согреться открытым огнём.
И чтобы в саду был гамак непременно,
А я вечерами качался бы в нём..

В. Мельников

ЯРКИЙ СВЕТ

Умирайте темные мои видения,
Яркий свет расти опять в душе..
Еле- еле выношу уже затмение,
Ежедневные молитвы лишь во мне.

Ежечасно якорь грузом мертвым
Меня тащит в сырую темноту.
Уходите, я устал быть черствым;
Мир «здоровый» увидеть не могу!

А. Морозов

ТЁЩА

У всех зима с Новым годом ассоциируется, а у меня с тещей.

С тещей я как раз в новогоднюю ночь познакомился. Решили мы с Танькой вдвоём Новый год встретить у неё дома, так как мамаша Танькина всегда праздничную ночь с внуками проводит, у своего старшего сына.

И вот приехал я к Таньке с шампанским, коньяком, шоколадками и мандаринами. Стол был уже накрыт: селёдка под шубой, салат оливье – всё как полагается.

Телевизор включили, там конечно «Ирония судьбы» неперменная. Выпили, старый год проводили. Затем речь президента послушали, шампанское открыли, выпили. Ну, сами знаете, какая последовательность. Практически на автopilоте всё.

Встречались мы с Танькой не так давно, месяцев пять.

Люди мы не молодые, но и не старые, Таньке 36, мне 42, оба в браке ни разу не состояли. Я – ухитрился, а Таньке, наверное, не везло.

Ещё и ещё выпили, ну я, конечно, целоваться полез.

Вдруг дверь открывается и входит Танькина мать.

– Поздравляю! – кричит. Я думал, что с Новым годом, а она: – Совет да любовь! Будьте дети мои счастливы!

Вообще-то я жениться вовсе не собирался, но как тут

быть? Говорить, что целоваться хочу, а жениться нет?

Таньке бы сказал, а вот мамаше её не рискнул: женщина, сразу видно, мощная, очень весомых достоинств.

Танька спрашивает: – Мам, а что ты не у Славика?

А мамаша: – Была, поздравила, да и сюда скорее. А то когда ещё этого гусика выловишь? Пять месяцев хороводитесь, а толку нет.

И мне говорит: – Сюрприз! Сейчас твои родители придут, я с ними созвонилась. Знакомиться пора.

Пришли мои мать с отцом, сели дружно за стол и всё решили: когда свадьба, где свадьба, кого в гости звать.

Живём с Танькой уже пять лет, сыну четыре года. Нет, я ни о чём не жалею, но тёща то какова?

Ловко она всё провернула. Как такое забудешь?

Поэтому как только приходят морозы, выпадает снег и приближается Новый год, я всегда думаю о своей оборотистой тёще. Если б не она, не известно, чем бы я сейчас занимался. Может и спился бы...

Наталья Варская

СЧАСТЬЕ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Валентина Тимофеевна тяжело вздохнула, сдвинула голубую вязаную шапку на затылок, расстегнула пуховик, вытерла проступивший пот и медленно пошла по ступенькам. Лифт не работал. Уже третий подъёмник за сегодня отказывался перевозить пассажиров. А что вы хотите? Тридцать первое декабря, вечер, почти десять: заездили бедолагу, вот он и взбунтовался.

Валентина Тимофеевна везла заказ последнему сегодняшнему клиенту. Второй год она подрабатывала курьером. А чего дома сидеть? Скучно на пенсии. Шить-вышивать не любила, готовить не для кого, читать – глаза устают. Без дела хоть волком вой. А так: и люди кругом, и прибавка к пенсии.

Работа ей нравилась, вот только без лифта тяжела доля курьера, ну или курьерши. И заказ вроде лёгкий, но громоздкий, и без лифта на седьмой этаж уж очень неудобно. Клиент ждал ёлку, искусственную, конечно. Вообще-то доставка была оформлена на тридцатое, на вчерашний день, но все как с ума посходили (странно, не правда ли?). Администраторы не успевали принимать заказы, а курьеры с ног сбились, развозя ёлки, игрушки, хлопушки, мишуру и прочую новогод-

нюю красоту.

А сегодня и вовсе аврал: два курьера не вышли на работу, примкнули к армии провожающих старый год. Рановато, конечно, но что поделать: силён русский человек праздники отмечать!

Валентина-то свои заказы развезла ещё днём, но уж очень слёзно просил хозяин поработать, премию обещал, чуть не в ногах валялся. А чего ж не валяться? Прибыль сумасшедшая, доставка перед Новым Годом вся платная, а после двадцать девятого с повышенным коэффициентом идёт. Следующий раз теперь только перед восьмым марта народ вспомнит про не купленные загодя подарки и судорожно кинется делать заказы по интернету.

А Валентине спешить некуда. Дочка уехала, подружки-старушки семейные по домам сидят, оливье режут да «Иронию судьбы» смотрят по телевизору. Чем одной куковать, лучше уж порадовать человека. Пусть хоть кому-то праздник будет.

– Уф, – отдуваясь и тяжело дыша, – выдохнула Валентина. – Дошла.

Пару минут постояв на лестничной площадке, переведя дух и уняв бешеный стук сердца, Валентина нажала кнопку звонка. Дверь открылась практически сразу, как будто нетерпеливый клиент караулил у глазка. Седой невысокий мужчина в синем пуловере и джинсах с улыбкой впустил курьера.

– Доставка товара, интернет-магазин «Праздник всегда

с вами», – привычно отрапортовала Валентина. – Извините, что так поздно, большая загруженность у курьеров, – устало добавила она и протянула коробку.

– Я уж и не ждал, честно говоря, полночь скоро. Даже огорчился: впервые искусственную ёлку решил поставить, и вот на тебе, такой форс мажор.

– Распишитесь, – протянула Валентина счёт. – Вот здесь и здесь.

– Тина? – изумлённо протянул клиент. – Тинка-Валентинка, ты что ли?

– Вася? – Валентина сдёрнула шапку и прижала её к губам. – Это ты? Тинкой-Валентинкой меня больше никто не называл. Ох, у меня же в квитанции фамилия есть. Точно, Митрошкин. А я даже не споткнулась о твою фамилию. – Женщина обессиленно прислонилась к стене.

– Тинка, милая моя, вот это сюрприз. Новогодний. – Мужчина растерянно качал головой, жадно вглядываясь в лицо курьерши. – Да ты раздевайся, проходи, что ж в дверях стоять. Или тебе бежать надо?

– Бежать? А, нет, не надо. Это последний заказ на сегодня.

Валентина судорожно вспоминала, какие колготки наде ты под новенькой юбкой – хотелось праздника, вот и нарядилась с утра слегка. А про колготки не подумала (курьер ведь не раздевается нигде). «И причёска: что там с ней? Хоть бы в зеркало посмотреть. Стог сена, наверно, на голове. Хорошо, что природа не обделила шевелюрой. Не три волосины,

как у таких же пенсионерок, как она, а побольше. Волосы пышные до сих пор, без всякой завивки. И покрасила я их я вовремя, прямо перед Новым Годом», – мысли толкались, перебивали друг друга, а глаза не отрывались от лица клиента, Василия, Васеньки, первой любви...

– Тинка, да ты проходи в комнату, вот тапочки обувай. Ты не подумай, они новые, я для гостей купил. А гостей у меня раз два и обчёлся, – суетился хозяин. – Хоть на пять минут зайди. Ох, я дурень старый, тебя, наверное, дома ждут. Это я по холостяцкой привычке временем разбрасываюсь, – частил он, скрывая за словами волнение.

– Да не ждёт меня никто, – с досадой перебила Валентина. – Я, Васенька, давно уж одна. Сын уехал из города. Мы с дочкой живём рядом, она этажом ниже квартиру купила. Но Машка в Минск укатила. Любовь у неё там.

– Любовь – это хорошо, это славно. – Василий усадил нечаянную гостью на диван и присел рядом.

Потом резко вскочил:

– Я сейчас чайник поставлю, на улице холодно, ты, поди, замёрзла. Одну минутку. Отдышись пока.

Валентина, оставшись одна, первым делом подошла к книжному шкафу, в надежде разглядеть своё отражение в стеклянных дверцах. Большая светлая комната больше походила на библиотеку: одну стену занимали книжные шкафы и полки, напротив удобный старинный стол с массивной столешницей и кожаный диван орехового оттенка, чуть потёр-

тый от времени. На кремовых обоях несколько картин. Природа: горы и озера, голубые ели и разлапистые сосны. На одной – могучий дуб с тяжёлой кроной. Так и хочется смотреть не отрываясь на величественную красоту.

– Не соскучилась? – шутливо поинтересовался неслышно подошедший хозяин.

– Соскучилась, – безо всякой улыбки кивнула Валентина. – Сорок лет назад. – И замолчала.

– Так ты ж замуж вышла... Видно, не очень скучала, – с застарелой обидой вырвалось у Василия.

– Я? – Валентина даже отступила назад. – Это ты сразу после практики пропал. Взял телефон и не позвонил ни разу. Замуж звал, в вечной любви клялся. И пропал. Что я должна была думать?

– Я тебе звонил. А мне сказали, что такая здесь не проживает. Ищите в другом месте. Адреса-то у меня не было. Я и решил, что ты мне специально неверный номер телефона дала. Сессию в техникуме с горя завалил, ну и повестка тут как тут, не задержалась. И я на три года в армию загремел. Родине долги возвращать. Уж когда вернулся, в институт твой поехал, а ты фамилию поменяла... замуж вышла и сына родила.

– Я замуж вышла от обиды на тебя, Васенька. От телефона месяц не отходила, всё ждала звонка...

– Я твой номер, Тинка, до сих пор помню. Впечатался в память. Я его тогда ведь не записал, запомнил. А память

меня никогда не подводила. Вот слушай, – начал диктовать хозяин.

– Ох, Вася, не 8, а 7. Подвела тебя память.

– Как??? Я ж всю жизнь тебя вспоминал, Тинка-Валентинка, да обиду хранил. А оно вон как, сам виноват, – хозяин схватился за голову и опустился на диван.

– Что ж тут поделаешь, Васенька, – пожалала плечами Валентина. – Жизнь-то уж прошла. Какая ни была, а наша. Я тебя тоже частенько вспоминала. Хоть и злилась, а сына Васей назвала... Муж ревновал, но терпел. Мы вообще ладно жили, мирно. Если б не пил, может, жили б до сих пор. А так, рано умер. Уж десять лет, как похоронила его. А ты, Вася, женат был?

– Два раза, – махнул рукой хозяин. – Первый раз сам не выдержал с рядом нелюбимой. Развёлся. Не шла ты у меня из головы, Тинка-Валентинка. А второй – жена от меня ушла. Детей хотела, а не получилось у нас. Так что один я, как сыч, кукую-холостякую.

– Один... И я одна... – откликнулась эхом Валентина.

Где-то внизу взорвалась петарда, за ней вторая-третья, праздник нахально ворвался в комнату.

– Сколько времени? – вздрогнула Валентина. – Новый год же. Включай телевизор скорее.

– Без двадцати двенадцать, – подскочил Василий. – В кухню, в кухню побежали, там телевизор. И шампанское есть. Гирлянду я повесил в кухне, люблю эти мигающие огоньки,

грешен. А ёлка-то где? Её ж нарядить нужно.

– Не нужно, – принялась распаковывать заказ Валентина. – Хозяин фирмы сделал подарок всем, кому на сегодня доставку перенесли. Шарики и мишуру повесили. Ёлочка же маленькая, расход небольшой, а клиент доволен.

– Уж как клиент доволен, не передать, – хитро прищурился Василий. – У меня, кстати, утка с яблоками есть. Я каждый год запекаю. Праздник ведь. Вот только оливье нет, – виновато развёл он руками, – не научился готовить.

– У меня есть оливье. И селёдка под шубой. Дома. Я ж не планировала по гостям ходить, – усмехнулась Валентина.

– А мы завтра твой салат оприходуем, Тинка-Валентинка. Пригласишь?

– А не поздно, Васенька? Поезд-то давно ушёл.

– Нет, Тинка, наш поезд только набирает ход. Вот увидишь.

– Ой, президент речь толкает. Шампанское открывай скорей.

Били куранты, мерцали огоньки гирлянды, по всей стране нарядные люди писали на бумажках желания и сжигали в пламени свечи, чтобы успеть до двенадцатого удара часов на самой известной башне.

Успеть на свой перрон, в свой поезд, в свой вагон...

Если чудеса и случаются, то именно в эту длинную новогоднюю ночь...

НЕМНОГО ПРО МИНОГУ

А вы знаете, что рыбалка бывает ещё и подлёдной? Это когда рыба подо льдом плавает, а рыбак сверху над лункой сидит, пятую точку морозит. Я вот тоже недавно подморозил. В гости к свату ездил, на Север. Он там на Обской щеке живёт. Или нет, на носу. А, что я говорю – на губе, вот! Это залив такой, где река кончается, а море ещё не начинается. Не то Карское, не то Татарское. В общем, так как-то. И сват мой там всю жизнь прожил, на Севере-то. Уже и дети все у него выросли, попереженились, поперезамужвыходили и разъехались. На юга. А сват ни в какую. Я, говорит, ни в жисть отсюда! Где ещё, говорит, и морскую рыбу можно поймать, и речную, то леща, то миногу, то ни фи́га, а то сразу много.

Мне и любопытно стало, что там у него за рыбалка такая? Я-то на Дону живу, и до последнего считал, что это у нас настоящая подлёдная рыбалка! На Дону-то лёд хоть и успеваёт замёрзнуть, но всех желающих порыбачить не выдерживает. Вот и приходят мужики с рыбалки всегда злые и мокрые, с магазинным филе минтая или хеком, у кого на что денег хватит. А со сватом, как ни поговорю по телефону – он мне всё свою Обскую щеку эту нахваливает. Говорит, никогда без рыбы не возвращаюсь. Сразу, говорит, солю её там

и мешками домой везу. Приезжай, говорит, и тебе насолим. Но главная фишка, говорит, в том, что рыбалка у нас – полный экстрим!

Ну, не выдержал я, получил отпускные за два года, ещё жена добавила... Нет, вру – жена-то как раз половину отобрала (всё равно, говорит, пропьёшь там на льду со сватом, знаю я, говорит, вас, подлёдных судаков). Это мне детишки деньжат подбросили – сын-то мой на дочке свата женился, когда она у нас на югах училась, и они тут у нас так поднялись, что ты! Предпринимателями стали! Жена моя, слышь ты, пирожки печёт, компоты-консервы на даче крутит, а они ими торгуют, деньгу зашибают, куда там северянам!

Ну вот, приехал я к свату, с пирожками и компотами, на его этот Север. А холод стоит – собачий! Ни одной собаки на улице! Сват-то меня сразу на рыбалку потащил, пока сват-ья с работы не вернулась. Иначе, говорит, она обоих-то нас на Обу не отпустит. Я, говорит, и один-то ей с этой рыбой надоел, а уж вдвоём-то мы с тобой цельный прицеп притараним! У свата есть снежный мотоцикл, «Буран» называется. Вот на прицепе «Бурана» он меня на лёд и притаранил. Я чуть не околел. Но сват – он человек опытный. Сразу, как только приехали, палатку на льду развернул, печку газовую растопил, меня оттаял. Знай, коктейли из спирта и компота намешивает, мне подливает, себя не забывает, и про рыбалку

подледную байки мне травит: «Вот в прошлом году столько рыбы домой привёз, в позапрошлом – столько!». Я говорю:

– Ты чего, раз в год сюда ездешь?

– Ну да, – говорит сват. – Дак, а больше и не надо. Два мешка рыбы за раз привожу если!

– Ну так пошли рыбачить! – говорю я ему. Мне-то уже не терпится наловить рыбки.

Глядь, а свата-то уже развезло. Никуда, говорит, я не пойду. Мне и здесь, говорит, хорошо! А если хочешь, иди, говорит, сам и долби лунку. И запомни – лунка должна быть такой, какую рыбу ты хочешь поймать.

Я, конечно, большую рыбу захотел поймать. И потому выдолбил не лунку, но прорубь метра на полтора точно. А сват знай себе храпит, только стены палатки трясутся. Ну ладно, думаю, спи, сватушка, спи, а я тебе докажу, что тоже могу рыбачить! Только размотал закидушку, слышу, тарахтит кто-то. Ещё пяток снегоходов и один вездеход подкатили с прицепами и мужиками.

– Слышь, – кричат мне. – Немцы есть?

Да какие, на фиг, тут немцы?

– Не, – говорю. – Я тут один со сватом в палатке рыбачу. Русские мы!

Ну, мужики тоже палатки поставили, стаканами зазвенели, гитарами забренчали. «Это что же за рыбалка у них такая? – думаю. – Когда же они миногов-то ловить собираются? Только я наживил крючки салом с колбасой – а другой наживки у нас со сватом и не оказалось, – как опять что-то затарахтело. На этот раз в небе. Мама моя ты незабвенная – вертолёт садится на лёд! Мужики из него выскочили, к нам бегут, на ходу орут:

– Немцы были?

Да что они тут, замороженные все какие-то, что ли? Война-то ещё вон когда кончилась, а они всё немцев спрашивают. Плюнул я с досады в прорубь, и тут как забурлит в ней! Я хоть слабоверующий, а тут креститься начал: «Святые угодники или как вас там, – шепчу. – Спасите меня от северной водяной нечисти!»

И что ты думаешь? Поднялась из проруби труба какая-то с глазом стеклянным, покрутилась, покрутилась вокруг своей оси, в палатку к свату заглянула, мне подмигнула. Мать ты моя донская женщина, никак – подлодка? Точно она: вслед за перископом и рубка черная поднялась, с залепленными скотчем опознавательными номерами. Люк в рубке с лязгом открылся, капитан в фуражке с крабом высунулся и орёт:

– Где немцы?

Так, значит, всё же здесь заварушка с немцами началась? Опять они без всякого объявления войны на нас напали! А почему? Может, газопровод «Северный поток» как-то не так с нашими поделили?

Я к свату, тормошу его, ору благим матом:

– Вставай, немедленно! К оружию – немцы сейчас будут!

Сват глаза протёр, на часы посмотрел, зевнул и говорит:

– Ты что, компоту опился? Не немцы, а ненцы! А с ними ханты и манси. Через час должны с моря подъехать. Вот затаримся у них рыбкой по дешёвке, компот твой допьём, да домой поедем.

– А чего ж ты мне, – говорю я обижено, – впаривал тут про подлёдную экстремальную рыбалку?

– А что? – говорит он мне. – Разве не было экстрима? Замерзал же?

– Ну, замерзал!

– Лунку вручную продолбил?

– Какая там лунка – прорубь целая! Вон выйди, глянь, подлодка из неё всплыла!

– Ну, так это подводники наши. Они тоже у ненцев рыбу покупают. Испугался?

– Ну, было дело!

– А сейчас ещё и удивишься!

И только он это сказал, как в глубине этой самой Обской губы завихрился снег, послышался топот копыт, скрип полозьев, и крики: «Поть-поть-поть!». И к нашей стоянке стремительно подъехала целая кавалькада тех самых ненцев, хантов и мансов на оленных нартах. А на нартах этих – пропасть мороженой рыбы в мешках. И пошёл тут торг. Да какой там торг – рыба же здесь дешевле грибов, влёт уходит. А после торга начался такой гудёж с песнями да плясками, с братанием ненцев с русскими – я думал, губа эта Обская треснет, на фиг, и провалимся мы все к чёртовой матери, как бывало у нас на Дону. Ан нет – выдержал лед! Он тут на совесть сработан, метровой толщины.

Вот такая у меня незабываемая рыбалка нынче случилась на Обской губе. До сих пор, после сватовых коктейлей-то, не могу толком разобраться: на самом ли деле это было со мной, или приснилось? Но рыбу-то я привёз от свата – целый мешок солёной щуки, сига, язёй и так кое-что по мелочи. Кроме миноги – это, как я потом выяснил, сват приврал немного про миногу, чтобы я клюнул. Нет у них там, в Обской губе-то, ни миногов, ни осьминогов. А всего остального – хоть завались. У этих, у ненцев с хантами и мансями.

Если не веришь, сам поезжай туда – сначала по Иртышу немного вправо, а там по Оби всё вверх и вверх. Пока не упрёшься в хату моего свата. А уж там как с ним договоришься. Главное, компоту побольше возьми. Уж очень северяне компоты уважают.

Марат Валеев

МЫ ИЩЕМ СЧАСТЬЕ ВДАЛЕКЕ...

Мы ищем счастье вдалеке,
Не замечая счастья рядом.
Оно не скрыто в кошельке
И не пиарится нарядом.

Его находим в облаках.
В лучах лилового заката.
В надутых алых парусах
И мачтах старого фрегата.

Оно повсюду и везде.
Порой нежнее акварели.
В субботу, пятнице, среде...
В обычной детской колыбели.

Эх, нам бы счастья без проблем,
Да плюс везения лукошко!
Да, чтоб с лихвой хватило всем,
Улыбки солнечной в окошке.

Эдуард Вениц

ТАЙГА

Путь, тревогой до дома размеченный,
Ветер странствий накрутит на винт,
А тайга подо мной – злая женщина,
Всё судачит и в уши шипит.

Не отпустит меня, запоздалого,
До – тебя. Прикипела собой.
Не дожждаться мне лета усталого,
Не добраться дорогой кривой.

Я прилягу под елью разлапистой,
Закурю... провожая закат.
Мне полжизни отмеряно маяться,
Чтобы вновь поменять адресат.

Что стоишь, безответная истина?
Что затихла, бездонная скорбь?
Отпусти, дай в дорогу мне выспаться.
Пошуми напоследок в укор.

Ну, прощай моя странная женщина,
Вот и вечер склоняет ко сну
Что гадать? А ведь думать тут нечего,
Не отпустишь – навеки усну.

Владимир Филатов

ВЕСНА

Звонят морозом провода,
Изводит хлопьями метель.
Отступят вскоре холода,
Заплачет звонкая капель.

Вновь конопатая весна
В косички заплетает март,
Котам влюблённым не до сна,
Исполнят весь репертуар.

Бежит мальчишка озорной
На прочность проверять ледок
И лужи мерить глубиной.
Блажен и счастлив, хоть промок.

Теплом согреет ручейки
И раздевать начнёт апрель.
Земли проглянут островки.
С зимой закончилась дуэль.

Обмылком брошен в урну день.
Ещё вчера он дорог был.
Уж душил запахом сирень,
И май в права свои вступил.

Природа, краски изменив,
Ошеломила бренный мир.
Её талант и креатив —
Мне верный путь, ориентир.

Емельянова Наталья

МЫ-ЛИШЬ ПОЭТЫ ПОД ЛУНОЙ...

Поверь, стихи мы пишем не для смеха,
Со скрипки плачем, с порванной струной.
Пусть не поэты золотого века,
А только лишь поэты под Луной.
Да, наши книги не хранят на полках,
В квартирах и в пыли библиотек.
Ведь для людей наверно мало толку,
В стихах, в которых верно мало толку.
И короток которых будет век.

Поверь, стихи у нас не ради славы,
Нет в них великих образов и тем.
Романов не создали многоглавых,
Батальных и лирических поэм.
По нам не пишут в школе сочинений,
Наверно в наших строках есть грехи.
И только радость творчества
мгновений,
Есть только радость творчества
мгновений,
Которую даруют нам стихи.

СУХОВЕЙ

Степной песок закручивал спиралью,
Вплетая нити яркого луча,
Он не искал надёжного плеча,
Наигрывая в дюнах пасторально.

Он был колюч и звался суховеем,
Свободен и безумно – одинок.
Он сам себе варил в бараках грог
И сам себя баюкал на качелях.

Он видел наших страхов пантомимы,
Не одарял спасительным дождём.
С вершин небес, циклонами рожден,
Стремился вниз, природою гонимый.

Придёт ноябрь. Рассыпав по крупицам,
Холодный смех песочным порошком,
Он упадёт, морозами влеком,
И будет ждать возможность возродиться.

Светлана Сапронова

ЗАПАХЛО ВЕСНОЙ

Открытые двери —
Капели и трели
Всё громче, всё звонче —
Запахло весной!
Февральские ночи
Обманчивы – впрочем,
Дороги застыли
Под снежной корой!

Стоят карусели,
Сугробы осели
И иней не синий
В лучах фонарей!
И слышатся грозы
Сквозь тёплые грёзы,
И видится быстрый,
Весенний ручей!

На улице слякоть —
Февральская мякоть,
А солнце всё выше —
Запахло весной!
Морозы устали,
Их встретили дали

И нет больше шансов
Вернуться домой!

В проёме оконном,
Туманном и сонном
Домашняя роза
Красиво цветёт!
А в небе лазурном,
От солнца ажурном
Кружит и витает
Воркующий слёт!

Зима на исходе
Трепещет в погоде —
И плачет, и злится,
И вянет в тоске!
Весенние нотки
Весёлой походкой,
Звонящей походкой
Идут по земле!

Ира Черницкая

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

(письма)

Письмо героя

Сегодня вспомнил перрон вокзала,
В рассветной дымке огни горят.
Ах, как ты руку мою сжимала,
Не отпуская мечту назад.

А скорый поезд на север мчится,
Вдоль перелесья Уральских гор.
Твой нежный образ мне будет сниться
И бесконечно-печальный взор.

Зима ложится на мох слоями,
Скрывая в тундре осенний плед.
Распишет вьюга снега стихами,
Скрывая грусти туманный след.

Любовь вернётся, как лучик света,
Сжигая ворох сухой травы,
Воскреснет словом в строках поэта,
Воспрянет духом в лучах весны.

— — — — —

Письмо героини

Ты, уезжая, хотел остаться,
Так долго руку не отпускал,
Что всплыло в памяти: нам снова двадцать
И как рассвет со мной встречал.

Твой скорый поезд на север мчится,
Любви стирая осенний след.
Ты извини, что буду сниться,
То мой прощальный тебе ответ.

У нас зима придёт с дождями,
Стихам печальным откроет счёт.
Уйдёт тоска лишь только в мае,
Своих потерь отбросив гнёт.

Скажи, ведь ты ещё вернёшься,
Воротишь чувства былые вспять,
Лучом игривым щеки коснёшься?
Не отвечай. Я буду ждать.

Владимир Филатов

Светлана Ночевная

НАУЧУСЬ ЛЕТАТЬ

Научусь летать во сне,
Как когда-то в детстве,
Чтоб к небесной вышине
Смог я присмотреться.

Обучу потом тебя
Этому уменью
И возьму с собой, любя,
Вверх, для вдохновенья.

Полетаем мы вдвоём
Там, под небесами.
Чудеса мы там найдём,
Всё узнаем сами.

Часто будем мы летать
Снова, снова, снова..
Счастье будем мы искать
Так что – будь готова!»

В. Мельников

АНГЕЛЫ

Где- то ангелы на небе
Едкий дым от нас отводят,
Тихо так по ломкой вене
Ежечасно жизнь заводят.

Так они крылом широким
Мир бездушный защищают.
Только МЫ растим пороки,
И любовь в душе сгорает...

А. Морозов

ПОДАРОК

Когда я училась, кажется, в четвертом классе, мой одноклассник взял, да и подарил мне хомяка. Просто притащил его в школу, на второй урок, потому что первый, как обычно, проспал, и вручил мне со словами « это тебе».

При хомяке было имя – Яшка, длинная ярко-рыжая шерстка, наивные черные глазки-бусинки и огромные щеки, битком набитые сырой вермишелью.

Видимо, Яшка боялся остаться в новом доме голодным и на всякий случай прихватил с собой немного еды. Ну как немного... Ровно столько, сколько могло уместиться в его щеках, чтобы их не порвать, и чуть-чуть добавочки!

Я смеялась над ним так, что заболел живот, Владик довольно улыбался, а хомячок суетливо заталкивал выползающую изо рта вермишель маленькими лапками обратно в закрома и смотрел на меня с укоризной.

Мне ничего не оставалось, кроме как максимально комфортно разместить Яшку в своем портфеле и пересесть на заднюю парту, чтобы учительница не услышала странную возню и постоянное хрумканье.

На протяжении всех уроков толстячок старательно изучал мои учебники, точил карандаши, крошил тетрадные обложки и умудрился бесследно уничтожить дорогой моему сердцу, ярко-оранжевый и пахнущий клубникой ластик.

На последнем уроке он зачем-то изрыгнул содержимое своих щек в мой дневник, проделал в портфеле огромную дыру и отправился прямой наводкой к доске, видимо желая поделиться полученными знаниями со всем классом.

К счастью, Владик обнаружил беглеца раньше, чем он добрался до места назначения, а учительница заметила только небольшую суету на задних рядах и предостерегающе постукала по столу указкой.

После звонка мы понесли Яшку ко мне домой.

Он почти не кусался.

Встретили нас, сразу скажу, неласково...

Хомяку обрадовался лишь кот.

Старательно втянув когти, он нежно пощупывал Яшку за бока и сверкал глазами от счастья.

«Вот это я понимаю – игрушка! Не какой-нибудь там фантик или шпулька! Ну, спасибо! Вот спасибо! Премного благодарен! Век не забуду такой щедрости!»

Младшая сестра поначалу отнеслась к рыжику с любопыт-

ством, но, увидев мои окровавленные руки, предпочла вернуться к своим куклам.

Хомяк же был совершенно невозмутим и интересовался только одним – есть ли в нашем доме еда.

Родители провели срочное семейное совещание и постановили – Яшка не может остаться у нас на ПМЖ. В качестве главного аргумента прозвучала версия, что, когда я уйду в школу, а они на работу, бабушка заснет, и его обязательно съест кот. Хвостатый сориентировался мигом и попытался придать своей мордахе равнодушное выражение по типу «да меня он вообще не интересует!», «да зачем мне это надо...», но нервно подрагивающий хвост выдавал его коварные замыслы.

Пока мама мазала зеленкой и бинтовала мои раны, бабушка гневно ворчала себе под нос что-то про грызунов и заразу, и делала заплатку на портфель, а папа безуспешно пытался отреставрировать раскрашенный оранжевой вермишелью дневник.

Потом меня отправили к Владуку возвращать «подарок».

Посидев недолго на лавке у его дома, я вернулась, спрятав Яшку в кармане. Он вел себя тихо, заподозрив неладное.

Чуть позже мне удалось незаметно посадить хомяка в трехлитровую банку, наложить туда побольше еды и ваты,

чтобы щекастому было мягко спать, и спрятать все это в тумбочке ванной комнаты.

Несколько дней Яшка прожил у нас «инкогнито», пока неугомонный котан не выдал место его тайного убежища.

Хвостатый совсем свихнулся от радости, постоянно орал и изо всех кошачьих сил пытался ворваться в ванную.

После этого нас с Яшкой разлучили...

Хомяка отдали моей однокласснице, которая жила неподалеку. От нее он переехал к ее взрослой сестре, и там вроде бы прижился.

Не знаю, кто из нас расстроился от расставания с ним больше всех – я, Владик или мой кот.

Последний немного утешился килькой и тем, что дверь в ванную комнату закрывать перестали, чтобы он мог в любой момент проверить, не вернулся ли Яшка.

А Владика решила утешить я – ответным подарком.

Я знала, что больше всего на свете он любит конфеты, выведала в школе дату его рождения – 19 января и начала подготовку.

Больше двух месяцев все конфеты, которые мне давали

родители, я не съедала, а прятала, и к назначенному сроку накопила огромный мешок сладостей. Это было нелегко, поверьте.

В последний момент моя затея чуть не провалилась – клад обнаружила сестра, у которой на этот счет был особый нюх. Пришлось с ней щедро поделиться.

За несколько дней до именин мой одноклассник вдруг заболел и перестал ходить в школу.

Не пришел он и девятнадцатого...

Сдаваться я не собиралась, и после уроков отправилась к нему домой.

Сумку с конфетами я оставила у дверей квартиры, сверху положив лист бумаги с написанными огромными буквами словами: «Владяну от одноклассников»

Позвонив в дверь, я умчалась метровыми прыжками вниз по лестнице, и бежала так до самого дома, как будто Владик, увидев мешок с конфетами, бросился бы меня догонять.

Ему было совсем не до этого.

Он не стал разбираться в происхождении подарка и на радостях умудрился съесть все конфеты разом еще до прихода родителей с работы...

Бедолаге стало так плохо, что пришлось вызывать «Ско-

рую помощь» и везти именинника в больницу. Я была в шоке от этих новостей, и с ужасом думала о том, что могло случиться, если бы сестра не уменьшила размеры моей щедрости.

После срочного созыва родительского собрания папа вернулся задумчивым и молча похлопал меня по плечу.

Я поняла это как «Держись, дочка, будет нелегко».

Конечно, меня разоблачили и решили, что я «втюрилась» во Владика по уши, а про Яшку никто и не вспомнил.

Объяснять что-то одноклассникам было бессмысленно — мне все равно никто бы не поверил. Когда Владик наконец выздоровел и вернулся на занятия, над нами потешался весь класс. Я сгорала от стыда и на уроках не могла повернуть голову назад, боясь встретиться с ним взглядом, Владик по возможности старался меня избегать.

Однажды он прислал мне записку, в которой миллиметровыми буквами было написано: «Я буду с тобой дружить после того, как сдам на первый разряд по лыжам. В.»

Пока я читала, меня, о горе, вызвали к доске. Я вышла, повернулась, увидела покрасневшего до стадии переспелого томата и залегающего под парту Владика и молча вылетела в коридор. Так в моем дневнике появилась первая «двойка».

Это было уже чересчур, я психанула, подскочила к нему на перемене и громко заявила, что в деревне у меня есть друг и после школы я выйду за него замуж.

Наверное, я несколько переборщила, но это сработало.

Одноклассницы посмотрели на меня с любопытством, а Владик страшно обрадовался, что ему не придется со мной дружить.

Я наконец сообщила ему, что мой подарок был благодарностью за хомячка, и я не хотела, чтоб так вышло, а он ответил, что его хомячиха вывела еще детенышей, и он мне может подарить другого хомячка, если я уговорю родителей.

На всякий случай я поинтересовалась у мамы и папы на этот счет, но они были непреклонны.

Мы с Владиком еще несколько лет регулярно интересовались Яшкиной судьбой, на что получали неизменный ответ: «жив, здоров, передает привет», пока однажды Владик мне не поведал, что у него не то что Яшкины дети, но и внуки уже почил с миром, потому что хомячий век короткий, и наш пушистый друг никак не может быть «жив, здоров», и уж тем более передавать нам привет.

Помню, как мы сидели на лавочке у моего подъезда и гадали о его судьбе. Была весна, воробьи звонко чирикали и купались в лужах, мы заканчивали школу и верили, что Яшка

прожил счастливую по хомячьим меркам жизнь и не держал на нас обиды.

А конфеты Владик больше не ест, совсем-совсем.

Татьяна Чернышева

В ПЕСОЧНИЦЕ

Арнольд Петрович Бабаянц проснулся от громкой музыки и хохота, доносившихся со двора. Было три часа ночи. Его половина Роза Витальевна мирно посапывала рядом. «Вот же толстокожая, хоть из пушек стреляй – ничего не услышит», – с завистью подумал Бабаянц, и попытался заснуть. Но новый взрыв хохота буквально подкинул его с постели.

Арнольд Петрович посмотрел вниз со своего пятого этажа. Там, в детской песочнице, в лунном свете он разглядел компанию веселящейся молодежи.

Дрожащий от негодования Арнольд Петрович набрал «ноль два»:

– Але, милиция? У нас тут во дворе подростки шумят, спать не дают! Примите, пожалуйста, меры!

– Подумаешь, подростки! – едко сказал дежурный на том конце провода. – У нас некому выехать на такую чепуху. Сами их разгоните!

– Я? Сам? – поразился Арнольд Петрович. – А если они меня отколотят?

– Вот тогда и приедем.

Компания внизу между тем продолжала бузотерить. Арнольд Петрович пошел в зал искать валокордин. И вспомнил, что у него припрятана початая бутылочка коньячка. «Выпить, что ли, вместо снотворного?» – неуверенно подумал Бабаянц. И воровато оглянувшись, махнул стопочку, еще одну. Ощущая накатившую бесшабашность, сказал себе: – А что, вот пойду и сам прогоню этих засранцев! И как был – в пижаме и шлепанцах, потопал вниз.

Их было пятеро – двое парней лет восемнадцати-двадцати и с ними три девицы, с дерзко красивыми юными мордашками, длиннющими ногами, обтянутыми соблазнительно блестящими колготками.

В центре песочницы стояла сумка, из которой торчали горлышки пивных бутылок, а музыка неслась то ли из плеера, то ли из магнитофона.

– Что, молодежь, не спится? – почти грозно спросил Арнольд Петрович.

– Ой, не спится! – хором ответила молодежь. – Да и вам, похоже, тоже не до сна?

– Как же, заснешь тут с вами, – миролюбиво проворчал Арнольд Петрович, косясь на гладкие ноги ближайшей девицы.

– А вы присаживайтесь, – подвинулась девица и похлопала по бортику песочницы узенькой ладошкой. – Может, пив-

ка?

– Ну, пивка так пивка... Фу, теплое!

Теплое пиво легло поверх накануне выпитого коньяка, вступило с ним в сотрудничество и сотворило настоящее чудо: Арнольд Петрович из незаметного мужчины предпенсионного возраста превратился в какого-то неприлично резвого живчика Арни – как он попросил называть себя при знакомстве.

Этот самый Арни не на шутку разошелся и начал хохмить, травить недвусмысленные анекдоты, плотоядно поглядывая на глупо и поощрительно хихикающую юную соседку Танечку.

«А ведь она на меня, того, определенно запала! – самоуверенно подумал распалившийся Арнольд Петрович. – Еще чуть-чуть, и ее, тепленькую, можно вести домой».

– У меня дома коньячок есть, – жарко шепнул Бабаянц в маленькое ушко Танечки. – И фрукты там, шоколадки. Пойдем?

– Слышь, дедушка, а бабушки у тебя дома нет? – лукаво прошептала ему в ответ Танечка. «О, черт, как же это я забыл про Розу-то? – шлепнул себя по лбу Арнольд Петрович. – Однако я набрался».

– Ты, Арни, лучше носи все это сюда, – продолжала между тем охмурять его Танечка.

– А что, и принесу! – вскинулся Бабаняц.

И, теряя шлепанцы, ринулся домой. Стараясь громко не лязгать ключами, отпер дверь, прислушался. Из спальни доносилось глубокое, с прихрапываниями, дыхание Розы Витальевны. Арнольд Петрович покидал в полиэтиленовый пакет, что попало в холодильнике под руку, опустил туда же коньяк, а еще прихватил с собой и бутылочку сухого вина – гулять, так гулять!

Когда Арнольд Петрович вернулся в песочницу с тяжелым пакетом в руке, компания новых друзей встретила его воодушевленным ревом. Танечка даже чмокнула его в небритую щеку.

Коньяк пили мужчины, сухое вино – девчонки, и вскоре в песочнице поднялся уже совершенно невообразимый гвалт. Причем, громче всех орал всклокоченный и обнимающий за тонкую талию свою юную соседку Арнольд Петрович. Наконец, с одного из балконов бабаянцевского дома истошно прокричала какая-то женщина:

– А ну пошли все вон, а то я сейчас милицию вызову!

– Слышь, Арни, нам грозят! – проворковала Танечка. –

Или ты здесь не хозяин?

– Сама пошла вон, старая гримза! – грозно рыкнул Арни.

– Арнольд Петрович, это вы? – удивленно спросил знакомый противный голос сверху. Голос принадлежал соседке Бабаянцев, члену домкома Парыгиной. – Вот уж от кого не ожидала... Все вы, мужики, одинаковые – стоит вас одних оставить, сразу пускаетесь во все тяжкие. Куда ваша Роза Витальевна-то уехала?

– Никуда я не уезжала! Это он сам от меня среди ночи сбежал! – вдруг услышал Арнольд Петрович возмущенный голос жены. Роза Витальевна, перевесившись через ограждение балкона, близоруко пыталась рассмотреть, что там творится внизу.

– А ну, немедленно домой, старый греховодник! Или будешь зимовать в этой песочнице!

– Иди домой, Арни! – шепнула ему на ухо Танечка. – В песочнице зимой холодно. Мы тоже полетели!

И она поцеловала Арнольда Петровича на дорожку. В лоб.

– Вот так всегда, – бормотал, медленно поднимаясь к себе наверх, Бабаянц. – В детстве мама не давала толком повозиться в песочнице, сейчас – жена... Эх, Танечка, Танечка, где же ты была раньше?

ЧАШКА

Она растерянно обводила взглядом собравшихся за столом, безуспешно пытаясь найти своего любимого. Его привычное место зияло пустотой – столовые приборы лежали нетронутыми, тарелки чисты, и только хрустальную рюмку с водкой накрывал кусок черного хлеба. Начать обед без него? почему хлеб на рюмке, а не на пирожковой тарелке? Сейчас он войдёт и наведёт порядок. Но он всё не шёл, а у фотографии в траурной рамке ровным пламенем горела тонкая свеча.

Люди пили, ели, переговаривались вполголоса, будто боялись нарушить чей-то чуткий сон. Изредка кто-то вставал и что-то говорил, тогда женщины тихо вздыхали и утирали платочками слёзы, а мужчины, потупив взгляд, опускали головы.

Как это разительно отличалось от тех встреч, когда он царил во главе стола, словно магнитом притягивая к себе соотрапезников. Его рокочущему басу внимали, боясь пропустить хоть слово из сказанного – не с рабским подобострастием, но восторгом и восхищением. Аудитория благоговейно стихала, если он был серьёзен, и взрывалась безудержным хохотом от его шуток. Он не подавлял, но рядом с ним хоте-

лось слушать и слышать только его...

Однажды в его день рождения был произнесён тост – предлагалось выпить за потрясающую харизму именинника – на что тот, смущаясь и оправдываясь, пробормотал под нос: «Ну что ж поделать, харя у меня такая, пора привыкнуть...». То, что от другого прозвучало бы пошло, из его уст было так наивно и трогательно, что все сразу бросились утешать и признаваться в любви этому огромному седовласому мужику. И только она видела спрятавшуюся в глубине зелёных глаз хитринку, когда он повернул голову, рассматривая своё отражение в стекле шкафа.

Она и появилась в его доме в такой же праздничный день (сколько ему тогда исполнилось – семнадцать, восемнадцать?) Тогда он только кивнул головой, уделив всё внимание подруге. Так бывает, первая любовь, ничего не попишешь. Но не подруга, а она первой почувствовала запах табака и привкус алкоголя на его губах, и совсем неважно, о ком он тогда думал – «первая любовь» куда-то бесследно исчезла, а она осталась в его жизни надолго.

Да, она не была красавицей, не отличалась особым изяществом и не относилась к элите, но другие никогда не были такими удобными для него. Она же с готовностью подставляла себя сначала молодым и горячим, а с годами став-

шим жёсткими и сухими губам, чтобы он мог утолить жажду. Она коротала с ним бессонные ночи, сохраняя горячим кофе; морщилась от солёности рассола похмельными утрами; заставляла биться его сердце, подавая капли какого-то остропахнущего лекарства. И, как никто другой, знала о нём всё или почти всё.

Она ему преданно служила, а он по-своему любил её и берёг – как будто дали обет «всегда быть вместе в радости и горе, в бедности и богатстве, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит...».

Через пару часов нашлись желающие выпить чаю. Дочери сновали между кухней и гостиной, мужчины, воспользовавшись перерывом, вышли на балкон курить, женщины разговаривали о чём-то своём. Маленький внук понял, что сидеть тихо уже необязательно, слез со стула и начал бродить по комнате. Дед непременно бы придумал, чем его занять, а сейчас на ребёнка никто не обращал внимания, чему тот был немало удивлён.

Наконец все вернулись за стол, а мальчик вдруг закричал: «Мама! Дед!» – и громко заплакал. Всем стало не по себе. Мать поспешила успокоить ребёнка, а он пальчиком показывал на полку в серванте, где стояла любимица деда. Чашка заняла своё привычное место на столе, но малыш уже вска-

рабкался на пустовавший стул и схватил её. От прикосновения чужих рук, чашка, как живая, вздрогнула, и неловкие детские пальчики разжались. Она ударилась об угол стола, треснула и уже на полу с глухим треском рассыпалась на мелкие осколки.

Подумаешь, разбилась чашка... Но вместе с мальчиком, уже не сдерживаясь, дав волю чувству, рыдали все, словно осознав всю горечь потери.

Люди умирают, посуда бьётся...

Элен Кардински

ЧУДО

Назло невздадам
Верю в чудо,
Как в январе в весенний дождь.
Под синим сводом,
Ангел будто,
Я знаю, ты ко мне придёшь.

Мелькают тени,
Снова тучи.
Забросив в угол горький сплин,
Откину лень, и
Станет лучше,
Но день прошёл, ещё один!

Сижу трусихой.
Но откуда
Любимый голос, звонкий смех?!
Заплачу тихо,
Вот и чудо,
Мой милый ангел, лучше всех!

Светлана Сапронова

РАССТАВАНИЕ

Мы встретились опять, сияло лето,
Спустя десяток-двадцать тысяч лет.
Судьба, нас разлучив, носила где-то.
А где? Уже не важен был ответ.

Как в прошлый раз, сближались осторожно,
Чтоб память лишний раз не ворошить,
Но каждый замыкал себя на прошлом
И не умел в действительности жить.

И почему опять, скажи на милость,
Нас разлучила тысяча причин?
История, вернувшись, повторилась,
И снова я одна, и ты один.

Ещё трепещут шумные дубравы,
Напоминая с грустью о былом,
О том, как были мы с тобой не правы,
Рассветы не встречавшие вдвоём.

Светлана Сапронова

СЕГОДНЯШНИЙ РАССВЕТ

Рассвет сегодняшний особенно хорош,
Хотя похож на прочие рассветы,
Вот так порой стремительно живёшь,
Что красоту совсем не видишь эту.
Прекрасный миг, когда густая тень,
Откинув прочь ночное одеяло,
Покинет мир, встречая новый день,
Когда луна главенствовать устала.
Еще в душе порядок и покой,
Иду тропой мечтательно и чинно,
Рассвет плеснет широкой полосой-
А значит восхищаться есть причина!
С улыбкой свежим воздухом дышать,
И в мысли счастья смело наряжаться,
Всю эту жизнь, смакуя, ощущать
И новым днем, как чудом, наслаждаться!

Бурлюша

Я ПОМНЮ ВСЁ...

Я помню всё: мы вместе воевали,
Ползли по снегу в гари и крови.
Тогда стихов мы вовсе не читали:
Нам было не до строчек о любви.

Сменился круг. Настал черёд об этом
С тобой нам по душам поговорить.
Могу ли я назвать себя поэтом?
Сумею ли тот подвиг повторить?..

И ты задашь такие же вопросы.
В тиши звенящей. Молча. Про себя.
На этот раз сверкают мирно росы.
Мне выпал шанс не потерять тебя.

Елена Смолицкая

БЕСКРАЙНИЕ ПОЛЯ

Я не из тех, кто хочет жить
В гламурном глянце киноплёнок
(Насквозь пропитаном во лжи).
Я навсегда замороженный,
Простором золотых полей...
Меня там встретит на рассвете —
Жужжанье гулкое шмелей
И вечный странник – вольный ветер...

Шепнут чуть слышно колоски,
– Что душу гложет, может скажешь?

– Я погибаю от тоски,
Среди теней многоэтажек...
Бреду в толпе угрюмых лиц,
Средь равнодушия людского
И ставших нормою бестыдств.
В плену у смога городского...

– Так тяжело порой дышать!
Мне срочно нужен свежий воздух
И голубого неба гладь,
Не свет витрин, а просто звёзды...
Сверчков чарующая песнь

Пускай заменит шум трамваев,
А будней суету и спесь —
Свобода без конца и края...

И сделав грудью полный вдох
На горизонт взгляну бескрайний.
Он словно грань меж двух эпох,
Хранящий то, что видел
в тайне...

Артём Стойко

А ЧЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НЕНУЖНОСТЬ?

Спокойный сон без утренней истомы.
Вся встречная похожая наружность
Бывает чаще просто незнакома...

Свобода рук. В ладонях только ветер.
Свобода губ. Согретый чай в стакане.
Измученное сердце на рассвете
Не встрепенет в защелкнутом капкане.

Темно в окне, молчанье в телефоне.
Спокойный фильм без возгласов и красок.

Ненужность вся в прозрачном балахоне
стоит над пропастью.
Пустая и без масок.

Светлана Немирова

ДИАЛОГ ПОЭТОВ: ВРЕМЕНА ГОДА

– Я знаю, если осень за окном,
И от тоски багряная листва,
То это ты печалишься о том,
Что рушатся святые города.
Те города, что ты из облаков
Построил, рассуждая о любви;
Те города, что ты принес из снов,
Что видятся, туманные, в дали.
И ты опять от осени и грёз,
И от листвы, багряной, золотой
Пройдешь по парку позабытых слёз,
Закуришь, рассуждая над судьбой.
И, позабытый, ты забудешь всех,
Душой наполнив нежные стихи.
И осень, приобняв, сквозь грустный смех,
Тебе отпустит вечные грехи.

– Я знаю, если выюга за окном,
И город поглощает белый снег,
То ты, добавив в кофе терпкий ром,
Грустишь о той, которой больше нет.
О девочке, которая давно
Пропала среди ненастий и снегов,

О девочке, которой суждено
Пролиться жаром чувственных стихов.
И, на снегу не оставляя след,
Ты бродишь в одиночестве зимы.
И сердце, как хрустальный оберег,
Ты прячешь в лёд, чтоб защитит от тьмы.
Его укрыв от холода ночей,
От подлости, что видела не раз,
Ты бродишь по разлуке декабрей,
Пронзая зиму вьюгой синих глаз

А, знаешь, будет новая весна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.